

УДК 314.6

DOI:10.24411/2618-6772-2018-10112

Загирова Эльвира Махачевна,
аспирант Регионального центра этнополитических исследований
Дагестанского научного центра РАН, г. Махачкала
elvira.2005@inbox.ru

**СЕМЬЯ И ДЕТИ В ЖИЗНЕННЫХ УСТАНОВКАХ ДАГЕСТАНЦЕВ
(ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)**

Аннотация. В статье рассматривается положение и статус семьи в социальном окружении, а также ее восприятие в современном российском обществе. На фоне сложных демографических процессов в России снижение рождаемости, заметное ухудшение ситуации в данной сфере актуализирует исследование роли и места семьи и детей в жизненных установках дагестанских народов. Актуальность данной проблемы определена социально-экономическими преобразованиями в российском обществе, которые выражаются, наряду с другими проблемами, в планировании количества детей, с ориентацией на однодетную семью, при доминировании иных социально значимых желаний. Базой изменения репродуктивных установок в современной дагестанской семье является не только изменение репродуктивного поведения самой женщины, но и переоценка собственной материнской роли. Кардинальным преобразованиям подвергся институт семьи, следовательно, научное осмысление вопроса воспроизводства, отношения к бездетным семьям, оценка семейного поведения ориентированных на добровольную бездетность, а также исследование теряющейся в наши дни значимости «многодетной семьи» приобретает важное научное значение. По результатам нашего исследования установлено существование в массовом сознании дагестанских народов негативного отношения к добровольной бездетности, при одновременном обозначении предназначения женщины быть матерью. Вместе с тем, опрошенные с пониманием и сочувствием относятся к бездетным семьям, которые оказались в данной категории по объективным, независящим от супругов причинам.

Ключевые слова: дагестанская семья, бездетная семья, добровольная бездетность, кризис семьи.

**FAMILY AND CHILDREN IN LIFE-SETTINGS OF DAGHESTANIANS
(ACCORDING TO THE RESULTS OF A SOCIOLOGICAL SURVEY)**

Elvira M. Zagirova,
Postgraduate student of the Regional Center of Ethnopolitical Researches of the Daghestan
Scientific Center of RAS, Makhachkala
elvira.2005@inbox.ru

Abstract: The paper examines the position and status of the family in the social environment, as well as its perception in modern Russian society. Against the backdrop of hard demographic processes in Russia, the decline in the birth rate, the noticeable deterioration in the situation actualizes the study of the role and place of the family and children in the life settings of the Daghestan people. The urgency of this problem is determined by socioeconomic transformations in Russian society, which are expressed, along with other problems, in the planning of the number of children, with orientation to one-child family, with the dominance of other socially significant desires. The basis for changing reproductive settings in the modern Daghestan family is not only a change in the reproductive behavior of the woman herself, but also a reassessment of her own maternal role. The institution of family has been undergone fundamental changes, hence the scientific understanding of the reproduction issue, the attitude

to the bereaved families, the evaluation of family behavior focused on voluntary childlessness, and a study of, being lost nowadays, importance of «large family» are of great scientific importance. According to the results of the research, it was established that in the mass consciousness of the Daghestan peoples there is a negative attitude toward voluntary childlessness, while, at the same time, designating the woman's destiny to be a mother. However, the respondents with understanding and sympathy look at childless families who found themselves in this category for objective reasons.

Keywords: Daghestan family; childless family; voluntary childlessness; family crisis.

В последнее время истинные ценности в человеческой жизнедеятельности неотступно начинают терять свою значимость и востребованность и перестают быть первостепенными в обществе. В массовое сознание насаждается тезис о доминировании материальных благ, бесконечного потребления и обогащения. Одновременно утрачивают свое значение духовно-нравственные установки. Последствием такого общественного развития может явиться потеря многих основ и норм нравственности и морали. Ранее осуждаемые обществом поступки перестают считаться пороком, порой приобретают статус «нормы», в конечном счете, они негативно отражаются на взаимоотношениях людей. На данный факт обратил внимание митрополит Волокамский Илларион в озвученном на Международном симпозиуме докладе «Традиционные ценности в эпоху глобализации»: «на европейском континенте происходит сознательный и последовательный демонтаж системы ценностей, на которых веками строилась жизнь наших предков» [1, с. 2].

В связи с кризисом института семьи, особенно в западноевропейских странах, закономерно возникает вопрос о духовно-нравственном состоянии мирового сообщества, конкретно западных стран, в которых активно пропагандируются и узакониваются альтернативные виды семей, а именно однополые браки, демонстрация свободы сексуального поведения, более того, признание такого типа брачного союза объявляется необходимым признаком цивилизованности страны. А те государства, которые еще не дошли до признания такой формы брака, обвиняются в нарушении прав человека, например, Россию обвиняют в том, что в ней преследуется законом пропаганда гомосексуализма среди несовершеннолетних. И в нашей стране есть такие весьма толерантные общественные деятели, которые выступают, например, за «сексуальное просвещение», в том числе и в отношении нетрадиционной сексуальной ориентации, начиная с младших классов, ссылаясь при этом на передовую цивилизованную Европу. Наличие многих проблем в современном обществе объясняется тем, что ослаб сам по себе институт семьи, в котором происходило воспитание детей, привитие им морально-нравственных правил общественного бытия и поведения. Современная семья утрачивает свои функции. Информационное общество вносит свои закономерные коррективы в статус и роль женщины: она в силу объективных причин оказалась вовлеченной в сложнейшие общественные процессы. При этом и сама женщина ведет активный образ жизни, занимаясь бизнесом, политикой, что уменьшает ее возможности для воспитания детей. Свой, порой и негативный, вклад вносит и ювенальная юстиция: одна часть придерживается позиции, что государство является собственником всех детей и просто временно доверяет их воспитание родителям. В случае нарушения прав ребенка, по мнению представителей ювенальной юстиции, государство имеет право через ювенальный суд забрать детей у родителей, либо приставить к ним для «нужного» воспитания соцработников, представителей попечительских органов и т.д. Другая часть настаивает на том, что родители имеют приоритетное право в воспитании своих детей в соответствии со своим мировоззрением. Выступающие против правил и норм ювенальной юстиции стремятся ограничить вмешательство государства в семью.

Таким образом, на фоне происходящих в семейно-брачной сфере трансформаций, закономерно актуализируется демографическая проблема, которая очень остро обозначилась в постсоветский период. В силу политической, экономической, социальной и морально-нравственной деградации, вызванной разрушением Советского Союза,

демографическая ситуация в начале 1990-х катастрофически ухудшилась, что проявилось в так называемом «русском кресте», т.е. графике пересечения линий рождаемости и смертности в 1992 г. и в последовавшем после этого превышении смертности над рождаемостью. Последствия этого процесса сказываются на демографической ситуации в России и сегодня [2, с. 65].

В конце 70-х гг. XX столетия А.Г. Харчев прогнозировал скорое отмирание браков по расчету, изживание поздних браков, упрочение эмоциональных связей с родственниками, уменьшение количества бездетных и неполных семей. Как отметил позже С.И. Голод: «кануло четверть века, и, тем не менее, не зафиксировано признаков, например, сокращения неполных семей, напротив, их доля год от года возрастает» [3, с. 106]. Между тем, по мнению отечественных демографов, чтобы поддерживать население страны на нынешнем уровне, необходимо в среднем 2,5 ребенка на одну женщину (сейчас у нас 1,5 ребенка). Соответственно, половина женщин России должна иметь четыре-пять детей, потому что у кого-то вообще не будет детей, у кого-то только один ребенок и т.д. Государство в последние годы делает правильные шаги в решении демографической проблемы и укреплении статуса семьи. И хотя материнский капитал или выдача бесплатных земельных участков – это скорее символические поощрения, которые в реальной жизни довольно трудно получить, тем не менее, даже такие заявленные государством меры заметно меняют ситуацию в семейно-брачной сфере. Таким образом, одним из главных направлений решения демографической проблемы является увеличение рождаемости, рост числа детей в семье. В настоящее время в семейной структуре России доминируют малодетные семьи: только 6% семей воспитывают трех и более детей (в странах Западной Европы этот показатель составляет 12–15%) [4]. Иными словами, сохранение российского народа возможно только при существенном повышении доли семей с тремя и более детьми.

Разумеется, российская власть осознает сложность проблемы и для ее решения был принят в 2006 г. федеральный закон «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей», предполагающий получение материнского капитала женщинами, рожающим второго ребенка. В 2007 г. в России была утверждена «Концепция демографической политики России до 2025 года».

Вместе с тем, закономерно возникает вопрос о том, способны ли предпринятые меры переломить ситуацию в демографической сфере и демографическом поведении россиян? Проведенный отечественными фамелистами глубокий анализ семейно-брачной сферы, показывает наличие в ней кризиса, потерю ценности семьи, как таковой, изменение репродуктивных установок у женщин, которые в эпоху глобализации больше ориентированы на карьерный рост и только после достижения поставленных целей планируют рождение одного ребенка.

В связи с вышесказанным, важным при анализе демографической ситуации в стране представляется установление причин, факторов, которые препятствуют осуществлению государственной политики в увеличении доли многодетных семей в структуре населения России. По мнению российского фамелиста С.И. Голод, «действительно, предпочтительно, но необязательно вступать в брак, желательно иметь детей, но и бездетность в настоящее время не представляется аномальной. Хотя, как известно, лет 30–40 тому назад даже некоторые специалисты (демографы и социологи) воспринимали бездетность как нарушение нормы» [5, с. 30]. Согласно демографу Л.Е. Дарскому, «можно спорить о наилучшем числе детей в семье, но бездетная семья есть явление патологическое с любой точки зрения» [6, с. 129]. Интересна позиция ленинградского социолога В. Голофаства: «По прошествии некоторого времени, если исчерпаны все допустимые возможности объяснения (учеба, отсутствие своего жилья и т.п.), бездетность становится предметом пристального оценивающего внимания и самих супругов, и родственников, и окружающих посторонних лиц. Наступает момент (раньше всего, видимо, для самих супругов), когда данное положение квалифицируется как ненормальное» [7, с. 53].

Социально-экономические трансформации постсоветского периода охватили все сферы функционирования общества, соответственно, новые тенденции проявились и в семейно-брачной сфере [8, 9, 10]. Как известно, институт семьи выполняет немаловажную роль в процессе воспроизводства населения и обеспечения основных потребностей общества в сфере регулирования социальных отношений, социализации индивидов, их морального и физического самочувствия, жизненной самореализации. Характерные для современного общества модификации в сфере семейно-брачных отношений обуславливают, с одной стороны, рост интереса о будущем семьи как социального института, которое в основном определяется социокультурными факторами, с другой, преобразование института семьи отражается на демографических процессах. Следовательно, исследование процессов, связанных с институциональной трансформацией традиционной семьи, представляется необходимым для определения перспектив и тенденций эволюции семьи в дагестанском обществе и его демографического развития [11, 12].

Кризис традиционной семьи отразился на характере семейных отношений и семейного поведения, что находит выражение в динамике репродуктивных, супружеских и родительских установок, росте количества разводов, следовательно, и неполных семей, что в высшей степени актуализирует проблему разрушения устоев традиционной семьи и ее ценностей и необходимость выявления тенденций семейной эволюции в Дагестане. Характерное для постсоветского периода игнорирование проблем демографического развития, неэффективная социальная политика в отношении семьи, отсутствие семейной политики, направленной на ее поддержку, и, как следствие, отрицательные тенденции в воспроизводстве семейных ценностей требуют социологического исследования существующих в современном дагестанском обществе проявлений кризиса традиционной семьи и специфики развития сферы семейно-брачных отношений.

В связи с вышесказанным возникает закономерный вопрос «Как же сочетаются эти представления с представлениями о детности в семье и материнстве?» С целью установления существующих в массовом сознании дагестанских народов репродуктивных установок в рамках социологического исследования «Традиционная семья в Дагестане» респондентам был задан ряд вопросов, которые позволили уточнить их позиции по данной проблематике.

Анализ полученного социологического материала показывает, что представители разных народов Дагестана примерно в равной степени по критерию положительного и отрицательного отношения отреагировали на вопрос о том, как они относятся к бездетным семьям. В большинстве случаев респонденты проявили жалость к бездетным (см.: Таб. 1).

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «Как Вы относитесь к бездетным семьям?» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Положительно, это право каждой семьи	Положительно, если людям хорошо без детей	Отрицательно, в семье должен быть ребенок	Отрицательно, в стране демографическая проблема	Отрицательно. Предназначение женщины стать матерью	Безразлично	Мне их жалко, может они не могут иметь детей по состоянию здоровья
Аварцы	16,2	4,6	20,6	1,0	5,2	3,1	51,3
Даргинцы	20,6	7,2	17,9	0,7	3,8	2,1	48,8

Кумыки	25,2	10,4	20,0	3,0	3,7	1,5	36,3
Лакцы	18,3	2,9	21,2	4,8	7,7	5,8	46,2
Лезгины	22,9	6,4	18,3	0	6,4	5,5	40,4
Русские	22,2	3,7	5,6	1,9	5,6	3,7	57,4
Чеченцы	25,0	4,8	29,8	8,3	1,2	2,4	22,6
Всего:	19,8	5,6	20,5	1,9	4,4	3,2	45,6

Результаты нашего исследования показывают превалирование в массовом сознании дагестанцев сочувствия к бездетным семьям, причем выделяются подмассивы аварцев и русских, большая часть которых придерживается данной позиции. Далее каждый второй опрошенный в подгруппе даргинцев, лакцев и лезгин, каждый третий среди кумыков испытывает аналогичное чувство к семьям, которые не имеют детей. Обращает на себя внимание позиция респондентов чеченцев, наименьшая доля которых проявила жалость к семьям, не способным иметь детей по состоянию здоровья (каждый четвертый опрошенный). На второй позиции, с большим отрывом, располагается также негативное отношение к бездетным семьям, и опрошенные мотивируют его необходимостью иметь в семье ребенка: каждый третий опрошенный среди чеченцев, каждый пятый среди аварцев, кумыков и лакцев, и здесь выделяются респонденты русские, которые не придерживаются позиции об обязательности иметь ребенка. Третье ранговое место занимает вариант положительного восприятия бездетности, по сравнению с другими подгруппами, его разделяет каждый четвертый опрошенный среди кумыков, лезгин и чеченцев, каждый пятый среди русских, даргинцев, лакцев и меньше всего таковых среди аварцев (каждый шестой опрошенный). Суждения «положительно, если людям хорошо без детей», «отрицательно, в стране демографическая проблема» и «отрицательно, предназначение женщины стать матерью» разделяет статистически небольшая доля опрошенных дагестанских народов.

Таким образом, результаты исследования констатируют, что менее критичными в отношении бездетных семей оказались дагестанские русские при наибольшей степени сочувствия и жалости к ним. Самую высокую степень отрицательного отношения, по сравнению с другими подгруппами, проявили респонденты-чеченцы и кумыки при, одновременно, по сравнению с другими подгруппами, высоком уровне положительного отношения к бездетным семьям; наряду с позитивным отношением к семьям такого типа, респонденты чеченцы демонстрируют самый низкий уровень жалости и сочувствия к ним. При этом основным мотивом отрицательного отношения выступает довод «в семье должны быть дети», а не озабоченность демографической ситуацией в современном российском обществе, что свидетельствует о приверженности глубокой традиции детности в массовом сознании дагестанских народов и низкой ориентированности на социальную значимость репродуктивной функции семьи. Примечательно то, что негативное восприятие бездетных семей слабо связывается опрошенными дагестанцами с предназначением женщины стать матерью, что следует рассматривать как определенный сдвиг в гендерных ценностях и отношениях, поскольку именно с этой функцией – рождение и воспитание детей – связывался образ женщины у народов Дагестана на протяжении веков [13, 14].

Значительная степень расхождений между идеальным и реальным проявилась при ответе на вопрос «Как Вы считаете, должна ли каждая женщина в обязательном порядке стать матерью (родить ребенка?)». Ответы на указанный вопрос выявили следующее: 75,7% опрошенных мужчин и 73,2% женщин придерживаются позиции, что женщина должна стать матерью, если состояние здоровья позволяет ей сделать это. Противоположного мнения – «не обязательно, это личный выбор каждой женщины» придерживаются 15,7% опрошенных мужчин и 19,6% женщин. Таким образом, при реальной оценке ситуации, которая была задана на примере бездетных семей, установлен высокий уровень толерантности дагестанского населения к бездетности и женскому предназначению (стать матерью), при одновременном сохранении традиционных установок, отражающих идеальные представления о семье и ее функциях, что, конечно же, не может не сказываться на реальных семейных практиках и уровне их

конфликтности. Иными словами, результаты исследования репродуктивных установок дагестанцев показывают, что даже те женщины и семьи, которые планируют родить второго и третьего ребенка, часто не могут на него решиться, мотивируя свой шаг плохой материальной обеспеченностью и условиями жизни, отсутствием жилья, причем решение их является очень сложным, по крайней мере, на данном этапе развития российского общества. Не менее существенным фактором является дефицит развитой и доступной сети учреждений дошкольного воспитания, проблемы при устройстве детей в дошкольные заведения, существующие в данной сфере масштабы коррупции, большое количество детей в группах дошкольных учреждений, соответственно, недостаточное внимание к ним со стороны воспитателей и т.д.

Решению демографической ситуации в целом в современном российском обществе, а также изменению жизненных установок в семейно-брачной сфере и репродуктивном поведении дагестанской семьи может способствовать организация современной развитой инфраструктуры с сетью медицинских, образовательных, воспитательных учреждений, условий для семейного досуга и отдыха, способные помочь женщине сочетать семейную и профессиональную роли. Может быть, стоит обратиться к советскому опыту, существовавшей эффективной системе образовательно-воспитательной инфраструктуры, куда входили ясли, детские садики, школы, учреждения дополнительного образования (Дома пионеров), спортивные секции, которые оказывали огромную помощь родителям в воспитании подрастающего поколения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дараган В., Марговская М.* Интервью А.Ю. Комова «На страже семьи» // Наука и религия. 2014. № 3. С. 2.
2. *Носкова А.В.* Социальные аспекты решения демографической проблемы низкой рождаемости // Социологические исследования. 2012. № 8. С. 60–71.
3. *Голод С.И.* Перспективы моногамной семьи: сравнительный межкультурный анализ // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. 2003. Т. VI. № 2. С. 106–119.
4. *Антонов А.И.* Многодетная семья в эру депопуляции (результаты всероссийского исследования многодетных матерей) // Научный Интернет-журнал «Демография». № 8–9 URL: http://www.semya-rastet.ru/razd/mnogodetnaja_semja_v_jeru_depopuljacji/ (Дата обращения: 14.11.2017).
5. *Голод С.И.* Семья: прокреация, гедонизм, гомосексуализм // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. XV. № 2 (61). С. 20–38.
6. *Дарский Л.Е.* Формирование семьи. М.: Статистика, 1972. 208 с.
7. *Голофаст В.О.* О взаимосвязи подходов к изучению семьи // Социологические проблемы семьи и молодежи. Л.: Наука, 1972. С. 34–53.
8. *Шахбанова М.М.* Этническая идентичность малочисленных дагестанских народов (на примере андо-цезской группы). Махачкала: АЛЕФ, 2012. 200 с.
9. *Шахбанова М.М., Лысенко Ю.М., Мамараев Р.М.* Дагестанские русские: историко-социологическое исследование. Махачкала, 2015. 307 с.
10. *Шахбанова М.М.* Этническая идентичность и стратегии межэтнического поведения малочисленных народов Республики Дагестан. Махачкала, 2013. 394 с.
11. *Муллахмедова С.С., Шихалиева Д.С., Гафиагулина Н.Х., Загирова Э.М.* Духовное развитие личности в условиях модернизации российского общества. Махачкала, 2017. 189 с.
12. *Шахбанова М.М.* Язык как признак этнической самоидентификации (по результатам социологического исследования) // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 2. С. 289–294.
13. *Гимбатова М.Б.* Мужчина и женщина в традиционной культуре тюркоязычных народов Дагестана (XIX – начало XX в.). Махачкала: Эпоха, 2014. 392 с.

14. Гимбатова М.Б. Понятие «настоящая женщина» в дагестанском сознании // Вестник ИИАЭ. 2015. № 2 (42). С. 139–148.

REFERENCES

1. Daragan V., Margovskaya M. Interview A.Yu. Komova «On guard of the family» [Interv'yu A.Yu. Komova «Na strazhe sem'i»]. In. *Science and religion=Nauka i religiya*. 2014. № 3. P. 2.
2. Noskova A.V. Social aspects of the solution of the demographic problem of low birth rate [Sotsial'nye aspekty resheniya demograficheskoi problemy nizkoi rozhdadnosti] In. *Sociological research=Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2012. № 8. Pp. 60–71.
3. Golod S.I. Prospects of a monogamous family: a comparative intercultural analysis [Perspektivy monogamnoi sem'i: sravnitel'nyi mezhkul'turnyi analiz]. In. *Journal of Sociology and Social Anthropology=Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*. 2012. T. VI. № 2. Pp. 106–119.
4. Antonov A.I. Large family in the era of depopulation (the results of the all-Russian study of many-children mothers) [Mnogodetnaya sem'ya v eru depopulyatsii (rezul'taty vserossiiskogo issledovaniya mnogodetnykh materei)]. In. *Scientific Internet-magazine «Demography»=Nauchnyi Internet-zhurnal «Demografiya»*. № 8–9 URL: http://www.semya-rastet.ru/razd/mnogodetnaja_semja_v_jeru_depopuljacii/ (accessed: November 14, 2017).
5. Golod S.I. Family: procreation, hedonism, homosexuality [Sem'ya: prokretya, gedonizm, gomoseksualizm]. In. *Journal of Sociology and Social Anthropology=Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*. 2012. T. XV. № 2 (61). Pp. 20–38.
6. Darsky L.E. Family formation [Formirovanie sem'i]. M.: Statistika, 1972. 208 p.
7. Golofast V.O. Interrelation of approaches to the study of family [Vzaimosvyazi podkhodov k izucheniyu sem'i]. In. *Sociological problems of family and youth=Sotsiologicheskie problemy sem'i i molodezhi*. Leningrad: Nauka, 1972. Pp. 34–53.
8. Shakhbanova M.M. *Ethnic identity of the small Daghestan peoples (on the example of Ando-Tsez group)* [Etnicheskaya identichnost' malochislennykh dagestanskikh narodov (na primere ando-tsezskoi grupy)]. Makhachkala: ALEF, 2012. - 200 p.
9. Shakhbanova M.M., Lysenko Yu.M., Mamaraev R.M. *Daghestan Russian: historical and sociological research* [Dagestanskije russkie: istoriko-sotsiologicheskoe issledovanie]. Makhachkala, 2015. 307 p.
10. Shakhbanova M.M. *Ethnic identity and strategies of interethnic behavior of the small peoples of the Republic of Daghestan* [Etnicheskaya identichnost' i strategii mezhetnicheskogo povedeniya malochislennykh narodov Respubliki Dagestan]. Makhachkala, 2013. 394 p.
11. Mullakhmedova S.S., Shikhaliyeva D.S., Gafiatulina N.Kh., Zagirova E.M. *Spiritual development of personality in the conditions of modernization of Russian society* [Dukhovnoe razvitiye lichnosti v usloviyakh modernizatsii rossiiskogo obshchestva]. Makhachkala, 2017. 189 p.
12. Shakhbanova M.M. Language as a sign of ethnic self-identification (based on the results of sociological research) [Yazyk kak priznak etnicheskoi samoidentifikatsii (po rezul'tatam sotsiologicheskogo issledovaniya)]. In. *Scientific problems of humanitarian research=Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy*. 2010. № 2. Pp. 289–294.
13. Gimbatova M.B. *Man and woman in the traditional culture of the Turkic-speaking peoples of Daghestan (19th – early 20th centuries)* [Muzhchina i zhenshchina v traditsionnoi kul'ture tyurkoyazychnykh narodov Dagestana (XIX – nachalo XX v.)]. Makhachkala: Epokha, 2014. 392 p.
14. Gimbatova M.B. The concept of «real woman» in the Daghestan consciousness [Ponyatie «nastoyashchaya zhenshchina» v dagestanskom soznanii]. In. *Herald of the Institute of History, Archeology and Ethnography*. 2015. № 2 (42). Pp. 139–148.

